

УДК 947.065/066(571)
DOI: 10.17223/19988613/51/5

А.В. Дмитриев

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1760-х гг.

Изучаются особенности формирования в Забайкалье Якутского конного ландмилицейского (впоследствии Якутского карабинерного) полка в первой половине 1760-х гг. На основании материалов, выявленных в центральных и региональных архивохранилищах, установлено, что планы верховной власти по наращиванию армейского контингента для укрепления обороноспособности региона наталкивались на серьезную нехватку материальных и людских ресурсов. В результате значительную долю ответственности при решении возникающих вопросов вынуждены были принимать на себя местная сибирская администрация и военное командование.

Ключевые слова: русская армия; Сибирь; Забайкалье; материальное обеспечение; офицерский корпус.

Период 1760–1764 гг., ознаменовавшийся крупными реорганизациями в структуре и кадровом составе всей регулярной армии Российской империи, до сих пор редко становился объектом специального внимания в исследовательской литературе. С тем большим основанием это утверждение применимо к истории воинских частей, дислоцированных за Уралом, из которых как раз в 1764 г. был организован Сибирский корпус. При этом даже в работах, посвященных корпусу, речь идет, как правило, о подразделениях, дислоцированных в Западной и Южной Сибири, а регион Забайкалья, например, оказывается практически «выпавшим» из поля зрения исследователей [1, 2]. Конечно, основные вехи имперской государственной политики в сфере строительства вооруженных сил на территории Восточной Сибири получили отражение в ряде публикаций, посвященных общим проблемам изучения военно-служилого населения региона (прежде всего, казачества), однако приводимые в них данные зачастую оказываются неполными, что не дает адекватного представления о специфике положения воинских частей русской армии в Забайкалье. На ошибочность некоторых утверждений нам уже приходилось обращать внимание [3].

Наиболее подробно интересующий нас сюжет изложен еще в капитальной работе дореволюционного военного историка А.П. Васильева, постаравшегося проследить все количественные и качественные изменения в составе контингента вооруженных сил империи на протяжении XVIII в. [4. С. 151–156, 166–181]. Однако автор, во-первых, ограничивается по большей части простым перечислением тех или иных мероприятий центрального правительства и местной администрации в отношении армейских подразделений, не раскрывая механизмов их практической реализации, а во-вторых, опирается лишь на документы из архива Сената, в которых содержатся только формулировки принятых решений, но не уточняется, были ли они успешно проведены в жизнь, и если да, то какими способами. На информацию Васильева ссылаются в своих

публикациях фактически все современные исследователи, останавливающиеся на истории армейских подразделений в Забайкалье середины – второй половины XVIII в. [5. С. 181–183; 6. С. 160–165; 7. С. 27, 28; 8. С. 106, 107]. В связи с этим хотелось бы заполнить указанные лакуны, используя изученные мной архивные материалы, чтобы продемонстрировать, как исполнялись на практике принимаемые властями решения в сфере военного строительства на восточной окраине империи и какие факторы приводили к неизбежному сокращению, а то и отказу от заявленных ранее планов, несмотря на нестабильность внешнеполитической ситуации тех лет, связанной с угрозой со стороны цинского Китая.

Первый шаг к формированию новых армейских подразделений в Забайкалье был сделан сибирским губернатором Ф.И. Соймоновым весной 1759 г., когда он представил Сенату свой проект об учреждении пяти полков ландмилиции для поселения их по всей линии границы с Китаем. Его предложение рассматривалось в Петербурге почти полтора года, и только в сентябре 1760 г. получило одобрение Сената, когда императрицей Елизаветой Петровной был «конфирмован» (утвержден) сенатский доклад [4. С. 151–155; 6. С. 160]. Соответствующий указ был получен Соймоновым 27 ноября 1760 г., однако формирование одного лишь только Якутского конного полка ландмилиции завершилось еще спустя более полутора лет, к августу 1762 г. В чем же была причина столь длительного срока исполнения принятого решения?

Губернатор Соймонов в феврале 1761 г. просил командующего сибирскими частями генерал-майора И. фон Веймарна выделить на формирование этого полка по одной роте из состава полевых Луцкого и Олонекского, а также гарнизонных Сибирского и Новоучрежденного драгунских полков. Он особенно обращал внимание командующего на необходимость «выбрать из каждого полку рядовых по роте способных и годных к пограничной службе людей и не престарелых, то есть не свыше сорока лет от роду... в том числе две

гарнизонные роты выбрать с полным числом драгунских и подъемных лошадей, а две роты из армейских полков без лошадей» [9. Л. 41 об., 42]. Эти роты должны были выступить с началом весны – две из гарнизонных полков в Томск, две из полевых сначала в Омскую крепость, а оттуда также в Томск, чтобы вместе следовать далее до Иркутска. Вместе с тем Соймонов успокаивал Веймарна: «Дабы те полки в полном комплекте состоять могли, то оные укомплектованы быть имеют впредь из рекрут, как то вышеобъявленным Правительствующего Сената указом точно обнодежено» [Там же. Л. 42 об., 43]. А.П. Васильев ошибся, считая две роты гарнизонных полков «пешими» [4. С. 155, 156]. Из приведенной выше цитаты следует, что они как раз отправлялись в поход «с полным числом драгунских и подъемных лошадей», а двум ротам полевых полков лошади должны были быть приданы в Омске.

О том, как происходил сбор лошадей и амуниции для отправляемых на восток четырех рот, дают представление изученные нами материалы делопроизводства канцелярий полков, а также командующего войсками. Так, 30 марта 1761 г. Сибирская губернская канцелярия извещала генерал-майора фон Веймарна, что не имеет возможности закупить непосредственно в Тобольске необходимое количество лошадей для двух рот полевых полков: «К продаже лошадей является мало, так что по сие число еще и ни одной не куплено» [10. Л. 74]. В связи с этим губернатор Соймонов принял решение попробовать приобрести для них лошадей в Ишимском и Ялуторовском дистриктах, а также в Таре, откуда отправлять их в Омскую крепость, плюс в Томске и Красноярске. Что касалось двух рот гарнизонных полков, то Веймарн еще 16 марта заявил Соймонову, что «в полку де Сибирском лошадей ныне в комплекте не состоит более трехсот, да наличные де от дальнего труда, как от дневных и ночных разъездов, а паче от перевоски правянта и фуража, от посылающихся партий в немалом изнурении, и к тому дальнему до Селенгинска переходу весьма ненадежны состоят» [10. Л. 75].

Губернатор вынужден был распорядиться о закупке лошадей сразу для трех рот, «полагая строевых драгунских в каждую роту по сту по семи, а подъемных по шести лошадей... годами от пяти до семи лет... самых добрых, здоровых и к военной службе крепких, не свыше вышеобъявленной цены, драгунских по десяти, подъемных по шести рублей, мерою драгунских в два аршина с вершком, а по крайней уже необходимости в два аршина, подъемных посредственной вышины» [Там же. Л. 78 об., 79]. При этом, правда, оплачивать эти покупки он предлагал «из штатских доходов, а по неимению оных и из других наличных сборов, какие бы ни были, ставя на счет новоучреждающегося в Сибири корпуса ландмилицких полков», а обеспечения их при транспортировке необходимым фуражом ожидая от самого генерала Веймарна [Там же. Л. 79–80]. Однако томский воевода Г. Бобровский 9 июля доносил, что

несмотря на разосланные им объявления в городской магистрат, духовное правление, а также Чаусскую и Сосновскую заводские конторы, «к покупке объявленных лошадей в приводе ни от кого сего июля по 7 число не имелось, а того 7 числа, хотя лошадей до пяти привожено и было, точию... продавцы за объявленную в указе цену не отдают, а просят весьма дороже» [11. Л. 1191 об., 1192]. Впрочем, он нашел выход из положения, передав соответствующие полномочия Красноярской воеводской канцелярии и находившемуся там адъютанту Сибирского полка Я. Ялымову на покупку 200 драгунских и 40 подъемных лошадей.

Проблемы возникли также и с амуницией. Хорошо понимая, что на закупку положенного количества вещей для целого полка рассчитывать на ассигнование средств от казны вряд ли возможно, военное командование предпочло воспользоваться случаем, чтобы избавиться цейхгаузы полевых полков, оставшихся в Западной Сибири, от запасов вещей с уже превышенным сроком службы. Так, в конце июня 1761 г. премьер-майор Троицкого полевого драгунского полка М. Нестеров рапортовал генералу Веймарну, что из полковых запасов отправил в Омскую крепость следующий набор: «Перевязей знаменных из пунцового сукна с золотым позументом, с крюками и бляхами медными позолоченными – 5 шт. (в пользовании с 1745 г., срок вышел в 1755 г.); труб медных ветхих – 2 шт. (с 1750 г., срок вышел в 1757 г.); чушек (кобур) пистолетных – 923 пары, портупей яловичных – 918 шт. (с 1754 г., срок вышел в 1760 г.)» [Там же. Л. 795–798]. Перевозка производилась на десяти телегах силами 20 подъемных лошадей в сопровождении пятерых извозчиков и пятерых драгун под командой капрала И. Потехина. Оплачивать же прогоны предписывалось Сибирской губернской канцелярии, «записав в расход с роспискою на счет учреждающихся ландмилицких полков» [10. Л. 820, 820 об.].

Со своей стороны, губернатор Соймонов еще в 1760 г. затребовал от ведомства генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова и Оружейной канцелярии Военной коллегии на четыре полка ландмилиции 3 696 драгунских ружей (фузей), 4 052 пар пистолетов, 4 230 шпаг. Для нужд же Якутского конного полка предполагалось использовать запасы вооружения, хранившиеся непосредственно в Тобольске, «отпустить на тысячной комплект ружья, пистолет и палашей ис починенных, которые к действительной службе годны» [12. Л. 194, 194 об.]. Однако в мае 1761 г. тамошний цейхвартер (начальник арсенала) Липовцов объявил, что выдает только 998 пар пистолетов, а годных для выдачи драгунских ружей у него в распоряжении вообще нет. Правда, к маю 1762 г. в тобольском арсенале еще оставалось 2 746 пар пистолетов на остальные четыре полка. Кроме того, 1 000 шпаг с кузнечным инструментом успели привезти из Москвы. Поэтому спустя год с лишним, уже в сентябре 1762 г., канцелярия напомнила Соймонову, что ждет от него оплаты за вы-

дачу этих 3 744 пар пистолетов и шпаг с инструментом в сумме 9 591 руб. 57 коп., требуя эти деньги «прислать или по способности чрез какое в Москве присудственное место перевезть во Оружейную канцелярию немедленно» [12. Л. 194 об.–195 об.]. Без этого она отказывалась передавать в распоряжение сибирского губернатора оставшееся количество ружей и шпаг. Однако, несмотря на распоряжение Соймонова о передаче нужных сумм Главному комиссариату за отправляемые на полки ландмилиции предметы вооружения, после его отъезда из Сибири весной 1763 г. эти выплаты так и не были осуществлены.

Еще одной проблемой стало обеспечение формирования Якутского конного полка надлежащим обмундированием. В июле 1761 г. Соймонов представлял Сенату, что «хотя верхней и нижней мундир от тех полков, а несколько ис Тобольска из старых за сроками и отправлен, однако ж из оных по большей части многим сроки уже вышли, протчим же вскоре пройдут, а на взятых в тот полк из иркуцких и енисейских казаков, также посацких и цеховых и нисколко одного не отпущено, следовательно, они остаются ничем еще и не обмундированы» [13. Л. 51, 51 об.]. А уже в сентябре того же года выяснилось, что хотя назначенный к приему вещей капитан И. Матюнин прибыл в Тобольск, но выдать ему ту сумму, которая была необходима к уплате за них Главному комиссариату и составляла чуть более 25 тыс. руб., невозможно: «За недостатком ныне здесь как камисариатских, так и протчих зборов денежной казны отправить толикого числа денег не ис чего» [Там же. Л. 56, 56 об.]. Поэтому Соймонов просил дозволения капитану Матюнину отправиться в Москву для приема вещей без предварительной оплаты, а произвести ее позднее, если Сенат согласится с его предложением о том, чтобы отчеканить на Екатеринбургском денежном дворе медной монеты на 2 млн руб. и использовать часть этих денег на формирование полков ландмилиции. Однако, как выясняется из следующего рапорта губернатора, отправленного Сенату уже в мае 1762 г., данное предложение не встретило поддержки в высших инстанциях, так что капитан Матюнин пока не смог исполнить вверенного ему поручения [Там же. Л. 63, 63 об.].

Вопрос об источниках финансирования новых воинских частей вообще оставался «больным местом» для сибирских властей. Вышеупомянутое предложение о перечеканке медной монеты было выдвинуто сибирским губернатором еще в июне 1761 г. в связи с хронической нехваткой на удовлетворение нужд всех армейских полков за Уралом денег, получаемых от подушного сбора (поскольку значительная часть крестьян-плательщиков оказалась приписана к казенным Колывано-Воскресенским и частным заводам), а также из сборов Кяхтинской пограничной таможни (из-за того, что большую их долю приходилось тратить на развитие Нерчинских сереброплавильных заводов) [12. Л. 128]. Сложившаяся ситуация была результатом при-

нятого в 1760 г. решения о финансировании формирования пяти полков ландмилиции «из сибирских неокладных доходов, а в случае оных недостатка заимообразно и из окладных, то есть подушных откупных и таможенных зборов» [12. Л. 140]. Однако когда губернатор Соймонов запросил иркутского вице-губернатора генерал-майора И. Вульфа об имеющихся в распоряжении последнего денежных суммах, остающихся из ежегодных доходов, то получил совершенно недвусмысленный ответ: «Сверх бываемых там доходов на жалованье состоящим в отдаленных местах командам и на отправлении правянта отсюда ежегодно посылается, а ныне и более посылать надлежит от 50 до 60 тысяч рублей, а в Кяхтинской таможне ныне... денежной суммы не находится, да и в казну годовую не дослано на сей год 50 214 руб. 97 коп.» [Там же. Л. 142]. При этом денег зачастую не хватало не только для материального обеспечения, но даже и для элементарной выдачи жалования тем людям, которые переводились в состав Якутского конного полка.

Отправленным из состава армейских полков четырьмя ротам выдачу жалования взяла на себя Сибирская губернская канцелярия. В июне 1761 г. тобольские чиновники извещали генерал-майора Веймарна, что для двух рот Луцкого и Олонецкого полков из тобольской рентереи к выплате за майскую треть отправлены 865 руб. 55 коп. серебром, доставить их в Омскую крепость должен был вахмистр Шестаков, получив подорожную на две ямские и уездные подводы до Камышевской слободы Ишимского дистрикта, а оттуда до Омска на казачьих лошадях с оплатой за прогоны [11. Л. 246]. Другие две роты (из Сибирского и Новоучрежденного полков) должны были получить жалование за майскую треть по прибытии в Томск, причем по армейским окладам: «По требователным от тех рот за руками обер афицеров ведомостям отпустить Томской воеводской канцелярии из налично имеющихся в той канцелярии зборов, какие бы ни были» [Там же. Л. 246 об.]. В случае, если наличных денег в Томске окажется недостаточно, возмещать недостачу предписывалось уже воеводской канцелярии в Красноярске – следующем пункте на пути следования этих рот в Иркутск.

Однако в случае с офицерами дело обстояло не так просто. Пункт о выдаче жалования всем офицерам, направляемым в Сибирь в состав будущих полков ландмилиции, не по гарнизонным, а по армейским окладам, смутил чиновников губернской канцелярии. Пока губернатор Соймонов сохранял свою должность, эти выплаты осуществлялись бесперебойно. По свидетельству премьер-майора К. Пекурина, возглавлявшего партию офицеров, прибывших в Тобольск для определения на службу в полки ландмилиции к декабрю 1761 г. [12. Л. 51–52], им выдавали деньги, «чтоб в пути не иметь нужды, на счет предидущей службы из Штатс канторы и из других мест по окладом за треть года... а по прибытии своем являлись с пашпортами у вашего высокопревосходительства, и всегда того ж

оклада неотъемлемо свое денежное жалование по за-служению, как штап и обер, так и произведенный нашим высокопревосходительством ундер афицеры и кап-ралы получали» [14. Л. 593 об.]. Но после получения отставки и отъезда Соймонова из Тобольска весной 1763 г. ситуация изменилась к худшему. Сибирская губернская канцелярия «излишним расходом предпо-чла» выдавать офицерам жалование по армейским окладам, заменив его гарнизонными.

В своем прошении Сенату от 27 октября 1763 г. майор Пекурин нарисовал прямо-таки душераздираю-щую картину. Многие из этих офицеров были опреде-лены к отправлению в состав формирующихся в Сибир-и полков ландмилиции после завершения Семилетней войны из-за невозможности по состоянию здоровья продолжать полевую службу: «Мы по притчине нашего от бывших прусских сражений раззорения, потому что неоднократно лишались своих экипажей, а потом за тяжкими ранами, следуя чужим государством, и по дороговизны всего, а паче по притчине еще не затво-ренных от прострелов ран и за лежащими в костях пу-лями, кои и донны у некоторых из нас имеются, от случившихся жестоких припадков, ползуясь в тамош-них местах волными их лекарями, и покупая из аптек, кои у них во всех местах волные имеются, немалою ценою медикаменты, и из своего жалования тратясь, едва в Россию до Санкт Питербурга добрели. А потом и от государственной Военной коллегии по тогдашней нашей к службе невозможности по выключке ис преж-них полков отосланы были в Правительствующий Се-нат на рассмотрение, при котором, будучи немалое ж время в Санкт Питербурге, а затем и в Москве, от най-ма квартир, от переездов, тож и от излечения предпи-санных наших болезней, немало тратясь же, и не только последнее имущество, что ни было, распродавая все за бесценок, с понесением и голода, много одолжа-ли» [Там же. Л. 594 об., 595].

Когда же они, определившись в полки ландмили-ции, выехали к новому месту службы, получив жалова-ние за треть года вперед, «расплатя несколько долги и себя в одеже мало поправя, с великим же недостатком в Тоболск отбыли, а по приезде своем... от неимуще-ства своего ничем не исправясь, ласкали себя надеж-дою на положенное нам жалование, и прилагая все возможные способы во исправление себя порадными вещми, также присовокупляя долгу, старались». Теперь же губернская канцелярия их «к вящему неимуществу довела, так что не только себя поправлять или означен-ные долги уплатить чем не осталось, а к выезду ис Та-болска в те еще дальнейшие места, где означенным пол-кам быть определено, лошадей и повоски исправлять не на что, по неимению ж собственных людей наемных содержать невозможно, а принуждено самим, и оставя пожалованные за беспорочные наши и усердные к оте-честву службы, во всякую работу входить самим» [Там же. Л. 595, 595 об.]. В связи с этим, поскольку уже по-следовала резолюция о том, чтобы отложить дальней-

шее формирование четырех полков, Пекурин и его то-варищи просили определить их либо в Якутский кон-ный полк на имеющиеся вакансии, либо причислить в другие армейские полки, с выдачей удержанного у них жалования по полевым окладам. После рассмотрения этой жалобы в пятом департаменте Сената 22 марта 1764 г. было вынесено положительное решение – нахо-дившимся в Тобольске офицерам выплатили недоста-ющие суммы, а кроме того, наказали местных чинов-ников: «...за вышеписанное неосновательное Сибирской губернской канцелярии... определение вычест у при-судствующих, кои объявленное определение крепили, из заслуженного ими по прежде положенным окладам жалования в штраф по силе Генерального регламента 50 главы с каждого за месяц и отослать в Канцелярию конфискации, дабы они впредь в делах осмотрительнее поступали» [14. Л. 606 об.].

В донесении Сенату от 1 июня 1762 г. губернатор Соймонов подвел промежуточные итоги своей дея-тельности за прошедшие два года. В частности, он со-общал, что Якутский конный полк уже сформирован и отправлен в Забайкалье, «на селенгинскую границу», а обмундирование для него заказано в Главном комисса-риате (об этом см. выше), за исключением шляп, кото-рые вызвался поставить тобольский фабрикант Бетю-ков. Как указано в работе А.П. Васильева, «из Красно-ярска и Енисейска команды, сведенные в роты, прибы-ли в Иркутск, где Якутского полка секунд-майор Ли-неман сводил прибывающие роты в полк... Из Иркут-ска конный ландмилиционный полк перевели в Селен-гинск по льду Байкала зимой 1761–1762 года» [4. С. 156]. Драгунские ружья полк получил из тех запасов, которые предназначались для выписных казаков и хранились в Енисейске и Красноярске. Из этих запасов были отобраны и отправлены в Иркутск 418 шт., хотя, как специально отмечалось, «из них некоторые требу-ют починок, а и протчия имеютца ис починочного ста-рого» [13. Л. 105 об., 106]. Недостачу предполагалось восполнить за счет поставок из Оружейной канцелярии (см. выше). Всего же, как этому полку, так и предпола-гаемым еще четырем, как подсчитал губернатор, на полное снабжение всем необходимым требовалось по-чти 120 тыс. руб., которые Соймонов, по существу, пред-лагал взять в долг: «Повелено б было заплатить из суммы камисариатских зборов, поставя оныя на щет состоящей на Главном камисариате здешней губернии долговой суммы, издержанной здесь на щет онго Главного камисариата, от Сибирской губернской канцелярии ис таможенных, кабацких, канцелярских и протчих зборов» [13. Л. 108]. Он также предлагал, в случае необходимости, воспользо-ваться теми денежными суммами, которыми располагал Сибирский приказ.

Однако в то же самое время стало очевидным, что реализовать проект о формировании пяти полков ланд-милиции в Забайкалье не представляется возможным. А.П. Васильев указывал, что уже 22 августа того же 1762 г. Соймонов отправил донесение Сенату, в кото-

ром прямо констатировал, что на еще четыре полка «денег в Сибирской губернии (т.е. на Нерчинских заводах) не было» [4. С. 166]. На это утверждение ссылается и Г.Ф. Быконя [5. С. 181, 182; 6. С. 161, 162]. Изученные нами документы позволяют дополнить это утверждение: мы видим, что вполне определенную роль в таком исходе сыграла также позиция ведомств, отвечавших за снабжение войск – Главного комиссариата и Оружейной канцелярии, не пожелавших принимать во внимание стратегические соображения государственной обороны и требовавших от сибирского губернатора и его подчиненных оплаты в полном объеме из дозволенных законом источников всей той продукции, которая предназначалась для забайкальских полков. Отставка Соймонова и его отъезд из Сибири весной 1763 г. фактически привели к тому, что этот вопрос остался в «подвешенном» состоянии. Новые подвижки наметились лишь к концу 1763 г.

Как раз в 1763 г. созданная при Екатерине II очередная Военная комиссия выступила с проектом формирования в Сибири семи регулярных армейских полков, предполагая зачислять в них выводимых с территории Речи Посполитой беглых старообрядцев – бывших российских подданных. В частности, составленным на основе предложений комиссии докладом Сената, «конфирмованным» (утвержденным) императрицей 26 ноября 1763 г., предлагалось «полков сочинить: пехотных пять, конных два; из которых уже один и есть, и называется Якутской Ландмилицкой конной полк... и быть конным противу Карабинерных полков» [15. С. 37]. Данному сюжету посвящена одна из наших предыдущих публикаций [16]. А.П. Васильев ошибочно именует эти семь полков также «ландмилиционными» [4. С. 166, 174]. Заметим, что в этой связи необходимо уточнить утверждение, содержащееся в классической работе Л.Г. Бескровного, что только «за счет драгунских полков были образованы тяжелые карабинерные полки», а «об имеющихся 14 конных ландмилицких полках... комиссия, очевидно, забыла, и они не брались в расчет» [17. С. 317]. Именно недавно сформированный Якутский конный полк ландмилиции и должен был быть переформирован в карабинерный.

Правда, относительно необходимых для такого переформирования материальных ресурсов решения принимались с заметным запозданием. Например, в июне 1764 г. находившийся в Москве для приема вещей от Главного комиссариата еще на полки ландмилиции (по предыдущему проекту) премьер-майор В. Зубрицкий запрашивал Сенат, как понимать поступивший к чиновникам Комиссариата указ Военной коллегии, основанный на высочайшей «конфирмации» полгода назад: «Того не упомянуто, вместо ль тех... ландмилицких пяти конных полков, или сверх помянутых ландмилицких полков оные полки учредить велено?» [18. Л. 18 об.]. Спустя еще месяц с небольшим Военная коллегия представила Сенату соответствующее разъяснение, что «в Сибири карабинерных два и пехотных

пять полков повелено учредить вместо прежде назначенных тамо четырех ландмилицких полков, ис которых бывшей до сего Якутской ландмилицкой полк по нынешнему положению и в карабинерной переформировать велено, и что на те полки мундирных и аммуниционных вещей, а особливо ныне на первой случай на карабинерной один и пехотных два полка потребно, велено ж отпустить» [18. Л. 23, 23 об.]. И только в начале осени в Главном комиссариате было получено данное разъяснение вместе с соответствующим сенатским указом. Как видим, только для того, чтобы решить проблему выдачи вещевого довольствия будущему Якутскому карабинерному полку, у центральной власти ушло более девяти месяцев.

Одновременно с этим в течение 1764 г. генерал-майор и селенгинский комендант В.В. Якоби развернул целую программу действий, направленных на переформирование Якутского полка ландмилиции в карабинерный. Уже весной он потребовал срочно заготовить необходимый объем провианта, рапортуя Военной коллегии, что «для воинских служителей не только запасного, но и на нынешней год в селенгинских магазинах, за выключкою имеющагося в Удинске ко отправлению в Нерчинск, провианта недостаточно, и кроме поставки из Иркутка, удоволствоватца вскоре неоткуда» [19. Л. 2 об.]. Новому сибирскому губернатору Д.И. Чичерину в связи с этим предписывалось «ныне в селенгинския магазейны провианта не токмо на нынешней, но и з достатком и на будущей год приготовить немедленно, и в том приготовлении и доставлении в Селенгинск Иркутскую провинциальную канцелярию накрепчайше понудить, дабы воинския служители ни в чем никакого недостатку и неудовольствия иметь не могли» [Там же. Л. 2 об., 3]. Однако принятые решения далеко не всегда исполнялись. Скажем, у А.П. Васильева упомянуто о том, что на содержание Якутского карабинерного полка «приказано было ассигновать с Колывано-Воскресенских заводов 20 тысяч рублей» [4. С. 181], но нет сведений о том, что уже в июле 1764 г. Военная коллегия получила из 1-го департамента Сената указ «о неимении надежды в отпуск с Колывано-Воскресенских заводов на учреждаемые в Сибири полки определенной денежной суммы до времени, и о ненасылании в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о том осигнацей» [19. Л. 8]. Только к концу того же года по предложению генерал-квартирмейстера кн. А.А. Вяземского Сенат решил взамен этих денег отпустить соответствующие суммы из Москвы и Екатеринбурга [20. Л. 6, 6 об.].

Снабжение Якутского карабинерного полка оружием, порохом и артиллерией должно было происходить по линии ведомства генерал-фельдцейхмейстера А.Н. Вильбоа. Однако быстро выяснилось, что последний счел за благо переложить эти заботы на плечи губернатора Чичерина, ограничившись отправкой из Москвы в Забайкалье двух 8-фунтовых «единорогов», а остальные предписав «ис Таболска или ис

тамошних ближайших и способных к Селенгинску мест... доставить доволное число» [19. Л. 3 об., 4, 5]. Генерал-майор Якоби в мае 1764 г. просил Чичерина прислать взамен пришедших в негодность 19 3-фунтовых пушек с комплектами пороха и снарядов, а также по несколько 6-фунтовых и тяжелых 24-фунтовых орудий и гаубиц. Через месяц губернатор, исходя из того, что «по невозможности ныне артиллерии ис Таболска по великой отдаленности вскоре доставить, определил оной по близости и способности отправить из Иркутска, где еще не такая, как в Селенгинску, опасность», всего 29 орудий: 10 из 14 6-фунтовых, 19 из 21 3-фунтовых [4. С. 178; 21. Л. 109 об., 110].

Наконец, даже к 1764 г. Якутский конный полк ландмилиции все еще не был укомплектован до полного штата офицерами, рядовыми и лошадьми. По данным генерал-майора Якоби, вместо 1 164 чел. штатного состава летом 1764 г. налицо были лишь 591 чел., из числа которых еще 33 чел. находились вне расположения полка в разных «командированиях» [4. С. 175, 176, 179]. В связи с такой нехваткой личного состава Якоби в сентябре того же года получил от Военной коллегии предписание – включить в состав формируемого карабинерного полка конную гренадерскую роту, ранее предназначавшуюся для распределения по драгунским полкам, а также своей властью производить в обер-офицерские чины из унтер-офицеров и вахмистров «людей состояния доброго и знающих службу и воинской порядок» [4. С. 179; 22. Л. 365, 365 об.]. Эта последняя мера была обусловлена наличием почти полутора десятков офицерских вакансий – в полку не хватало по одному ротмистру и полковому квартирмейстеру, девяти поручиков и троих корнетов; соответствующие должности временно исполняли определенные из других полков двое адъютантов, аудитор, двое подпоручиков и представлявшие Инженерный корпус поручик и двое прапорщиков [22. Л. 368, 368 об.]. На штаб-офицерские должности предназначались двое премьер-майоров, В. Волков и Н. Тютчев, однако до их прибытия Якоби мог временно произвести в майоры кого-либо из старших ротмистров. Полковым командиром назначался подполковник И.А. фон Линеман (5 августа он был повышен в чине до полковника) [Там же. Л. 366]. Наконец, предстояло решать проблему нехватки конского состава, ибо в полку не хватало 244 лошади.

В сентябре Якоби доносил Военной коллегии о предпринятых им мерах. Прежде всего, он успел перевести из гренадерской роты в ряды карабинерного полка 50 чел. рядовых, восьмерых унтер-офицеров и капралов и еще одного поручика, плюс 119 лошадей: «При людях же отчислены карабины одне, а протчия вещи все с тех отчисленных по состоянию в том полку таковых же отобраны и велено хранить в полковом цейхоузе» [22. Л. 369, 369 об.]. Кроме того, он своей властью произвел в обер-офицеры на имевшиеся вакансии 18 чел. и просил выписать этим людям патенты на соответствующие чины и отправить к нему в Селен-

гинск для выдачи. Этим людей он предписал полковому командиру привести к присяге и начать выплачивать им жалование по соответствующим окладам уже с нынешнего месяца, а также обращал внимание фон Линемана на то, «чтоб тот полк в самоскорейшем времени не только в доброе состояние знание воинского распорядка приведен был, но в случае, чего Боже сохрани, неприятельского нападения против оного в поле всегда с храбростию действовать мог» [22. Л. 369 об.–370 об.]. Из лиц дворянского происхождения, к лету 1764 г. продолжавших службу в рядах Якутского конного полка ландмилиции, воспользовались манифестом 1762 г. и пожелали выйти «в отставку на свое пропитание» только двое: вахмистр Вралов и капрал Тезев: «С данными о свободном в пути их пропуске пашпортами на прежния их жилища, Вралов в Новгородскую, а Тезев в Белгородскую губернии при сообщениях отпущены быть имеют» [Там же. Л. 371]. Еще двое офицеров – поручик Воинов и аудитор Литаврин, находившиеся на тот момент при губернаторе Чичерине в Тобольске, их Якоби просил отпустить в распоряжение полка для прохождения службы.

Уже в 1765 г. Якутский карабинерный полк оказался полностью укомплектован и расквартирован в Селенгинске и его окрестностях для охраны границы с цинским Китаем. Одновременно с этим командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. Шпрингеру предписывалось вновь зачислить генерал-майора Якоби в штат армейского генералитета, назначить вместо него в Селенгинск и еще в некоторые пограничные пункты комендантов из числа армейских офицеров, а также «Селенгинск обнести земляным рвом, и где полевая артиллерия постановлена будет сделать, небольшое особое земляное укрепление» [20. Л. 3 об., 4]. Выполняя данное предписание, Шпрингер выбрал двоих армейских капитанов, И. Апелгрину и С. Силкина, «не смотря на старшинство, по спискам следующее, но полагаясь на совершенное их к тому достоинство и способность», и определил первого комендантом Селенгинска, второго – Акшинской крепости. Свой выбор он обосновал тем, что «тут, яко в новых местах, немало поправления, учреждения и проворности требуется, а на сих, кажетца, положитца безсумненно» [Там же. Л. 55]. Таким образом, окончательно сложилась та структура управления воинскими частями, дислоцированными в Забайкалье, которая станет действовать на протяжении всей второй половины 1760-х гг.

Данный материал позволяет существенно скорректировать наши представления о тех факторах, которые оказывали непосредственное влияние на ход и результаты выполнения ряда мер государственной политики в сфере обороноспособности и военного строительства применительно к территории Забайкалья в первой половине 1760-х гг. Военная угроза со стороны цинского Китая диктовала центральной власти настоятельную необходимость реорганизации и увеличения здесь армейского контингента, однако согласованность дей-

ствий столичных инстанций и местной администрации, как мы убедились, оставляла желать много лучшего. Недостаточная эффективность механизмов материального снабжения воинских частей и отсутствие постоянных источников для их финансирования приводили к длительным задержкам, а то и срывам поставок вооружения и обмундирования в полки. Предпочитая перекладывать значительную часть забот по комплектованию и содержанию войск на плечи сибирского губернатора, Сенат тем самым ставил под удар и Военную коллегию, чьи ведомства – Главный комиссариат и Оружейная канцелярия – оказывались лишены возможности исполнять поступающие к ним запросы из-за отсутствия оплаты сибирских заказов. Финансовое же состояние казны Сибирской губернии не позволяло рассчитывать на изыскание там необходимых средств, даже несмотря на работу Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, где велась чеканка монеты.

Выше уже было показано, каким образом позиция, занятая именно Комиссариатом и Оружейной канцелярией, привела, по существу, к отказу от проекта формирования пяти полков ландмилиции для обороны Забайкалья. А при переформировании Якутского конного полка в карабинерный опять-таки большая часть необходимых мер была проведена в жизнь генерал-майором В.В. Якоби и губернатором Д.И. Чичериным, поскольку центральные ведомства не проявили особой заинтересованности в оказании материальной поддержки этому процессу. Изученный нами сюжет лишний раз демонстрирует, что при оценке степени эффективности и адекватности имперской политики в сфере военного строительства на протяжении XVIII в. следует исходить не из содержания принимаемых верховной властью решений, но, прежде всего, из тех конкретных обстоятельств, которыми сопровождалось их исполнение, зачастую принимавшее формы, весьма далекие от первоначального замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
2. Андрейчук С.В. Становление Сибирского корпуса : структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.
3. Дмитриев А.В. К вопросу о передислокации армейских регулярных частей в Забайкалье во второй половине 1750-х гг. // Исторический ежегодник. 2012 : сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 243–254.
4. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита : Тип. Войскового хозяйств. правл. Забайкал. казачьего войска, 1916. Т. 2. 368 с.
5. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. 299 с.
6. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2007. 414 с.
7. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1994. 191 с.
8. Демин Э.В. Полки селенгинские (Якутский гарнизонный, Селенгинский драгунский гарнизонный, Селенгинский мушкетерский, Селенгинский пехотный) // «Золотая россыпь» Селенгинска : Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2010. Кн. 2. С. 99–119.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1092. Оп. 1. Д. 31.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 95.
11. ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2722.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 583.
14. РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Кн. 9.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 43, Отд. 1-е : Книга штатов. 864 с.
16. Дмитриев А.В., Зуев А.С. Формирование подразделений регулярной армии в Сибири середины 1760-х гг. : планы и достигнутые результаты // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1 : История. С. 31–38.
17. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М. : Воениздат, 1958. 645 с.
18. РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Кн. 15.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 486.
20. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 742.
21. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 722.
22. ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124.

Dmitriev Andrey V. Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: khaldeus@academ.org

THE RESTRUCTURING OF RUSSIAN REGULAR ARMY TROOPS IN TRANSBAIKALIA IN THE 1ST HALF OF 1760S.

Keywords: Russian army; Siberia; Transbaikalia; material supply; officer corps.

The article is devoted to studying the formation of one military unit of Russian regular army in Transbaikalia – Yakutsk cavalry land-militia regiment, further rearranged into Yakutsk field carabineer regiment. The purpose of submitted paper is to find out the principles of competencies' distinction between the central state institutions, local Siberian administration and military command. This example shows the distinction, mentioned above, in solving some questions, concerning material supply and recruitment for army units. Sources, that we used, mainly come from the funds of Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), Russian State Military History Archive (RGVIA) and State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Both federal archives contain documents of the Senate, the Military collegium and their subordinate offices. Files, including correspondence of the Siberian corps commander's office, which was stationed in Omsk, are deposited in the mentioned regional archive. In the study it's been established, that Siberian governor F. I. Soymonov's project of forming five land-militia regiments in order to strengthen the defense of Transbaikalia could not have been realized due to lack of manpower and material resources. Even the formation of the only Yakutsk cavalry regiment took almost two years and met serious difficulties in obtaining armament and uniform for its personnel. The necessity of payments from the Siberian province's budget to

the Main Commissariat and the Armory Chancellory, without any help from Russian empire's superior financial institutions, led to delays or even failure of weapon and clothing delivery. Even the salary payments for the army officers, appointed to this regiment, haven't been always made in proper amounts. Artillery and provision delivery for restructuring land-militia regiment into the field carabineer regiment have been also entrusted to Soymonov's successor, Siberian governor D. I. Chicherin and Transbaikalia army units' commander Mayor-General V. V. Yakobie. The author comes to a conclusion that mechanisms of material supply for military units of Russian regular army in Siberia in the reviewed period were not sufficiently effective, as the sources studied have proved. Both the inability to provide funding for army units beyond Ural from the Siberian province's budget, and the reluctance of central state institutions to raise other funds to payments for weapon and clothing delivery to army regiments have had clear effect. This effect led to significant cuts and only partial realization of the supreme power's plans of increasing military contingents for protecting Russian empire's borders in Transbaikalia.

REFERENCES

1. Andreychuk, S.V. (2010) *Sibirskiy korpus v sisteme voennoy bezopasnosti na yuge Zapadnoy Sibiri (1745–1808 gg.)* [Siberian Corps in the system of military security in the south of Western Siberia (1745–1808)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
2. Andreychuk, S.V. (2011) Stanovlenie Sibirskogo korpusa : struktura, chislennyi sostav i printsipy dislokatsii (1745–1771 gg.) [The formation of the Siberian Corps: structure, numerical composition and principles of dislocation (1745–1771)]. *Voenno-istoricheskii zhurnal – Military Historical Journal*. 3. pp. 38–42.
3. Dmitriev, A.V. (2012) K voprosu o peredislokatsii armeyskikh regul'yarnykh chastey v Zabaykal'e vo vtoroy polovine 1750-kh gg. [On the redeployment of army regular units in Transbaikalia in the second half of the 1750s.]. In: Elert, A.Kh. (ed.) *Istoricheskii ezhegodnik* [Historical Yearbook]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS. pp. 243–254.
4. Vasiliev, A.P. (1916) *Zabaykal'skie kazaki. Istoricheskii ocherk* [Transbaikalian Cossacks. A historical essay]. Vol. 2. Chita: Tip. Voyskovogo khozyaystv. pravl. Zabaykal. kazach'ego voyska.
5. Bykonya, G.F. (1985) *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX vv. Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva* [Russian tax-exempt population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries. Formation of the military-bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
6. Bykonya, G.F. (2007) *Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX veka (demografiko-soslovnyy aspekt)* [Cossacks and other service population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries (demographic and social aspect)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
7. Zuev, A.S. (1994) *Russkoe kazachestvo Zabaykal'ya vo vtoroy chetverti XVIII – pervoy polovine XIX vv.* [Russian Cossacks of Transbaikalia in the second quarter of the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Demin, E.V. (2010) *“Zolotaya rossyap” Selenginska: Istoriko-kraevedcheskiye ocherki* [Selenginsk “gold placer”: History and local lore essays]. Vol. 2. Ulan-Ude: NovaPrint. pp. 99–119.
9. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1092. List 1. File 31.
10. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAO). Fund 1. List 1. File 95.
11. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAO). Fund 1. List 1. File 96.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 5. File 2722.
13. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 23. List 1. File 583.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 263. List 1. Kn. 9.
15. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 43. St. Petersburg: Tip. II Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii.
16. Dmitriev, A.V. & Zuev, A.S. (2013) Formirovanie podrazdeleniy regul'yarnoy armii v Sibiri serediny 1760-kh gg. : plany i dostignutye rezul'taty [The formation of regular army units in Siberia in the mid-1760s: plans and results]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History. Philology*. 12(1). pp. 31–38.
17. Beskrovnyy, L.G. (1958) *Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki)* [Russian army and navy in the 18th century (essays)]. Moscow: Voenizdat.
18. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 263. List 1. Book 15.
19. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 113. File 486.
20. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1. File 742.
21. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1. File 722.
22. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAO). Fund 1. List 1. File 124.